

01.07.25

БАЛКАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Многие начинающие, да и опытные российские балканисты, анализируя процессы в регионе, часто проводят параллели с событиями в России или других странах, нередко прибегая к геополитическим аналогиям. Насколько такой сравнительный подход оправдан, portalу «Балканист» рассказал Сергей Маркедонов.

– Сергей Мирославович, насколько вообще корректно проводить параллели между событиями новейшей истории Балкан и постсоветского пространства?

– Политическая и историческая наука во многом опираются на сравнение. Чтобы понять уникальность явления, его нужно с чем-то сопоставить. Советский Союз и Югославия — очень разные по масштабу и значению государства. СССР был учредителем ООН, постоянным членом Совбеза, одним из полюсов биполярного мира, государством с собственной альтернативной моделью развития, которая была притягательной для многих политиков и рядовых людей на разных континентах.

Югославия — держава скромнее, но со своей яркой идентичностью. Это страна, не покорившаяся фашизму, осмелившаяся пойти против Сталина, выбравшая свой «особый» социализм. Благодаря личности Тито и активной роли в Движении неприсоединения Югославия в годы «холодной войны» стала символом третьего пути.

Обе страны были федерациями, выстроенными по этническому принципу — своего рода «государства-матрёшки». С одной стороны, их власти пытались подчинить национализм, поставив его на службу государству, с другой — активно развивали национальные культуры, создавали компартии и академии на этнической основе. В этом и были заложены зёрна будущих конфликтов.

Процессы же распада в обеих странах носили неконтролируемый характер. Это было не упорядоченное отступление, а хаотичное движение, где политическая

целесообразность была важнее правых оснований. Это вызвало кризис легитимности новых постсоветских и постъюгославских государств — не юридический, а экзистенциальный: признают ли люди эти образования своими?

Мог ли серб, став гражданином Хорватии, воспринимать это как приемлемое? Или русский чувствовать своим украинский Крым? Или абхаз — Грузию? А албанец — Македонию или Сербию? Пока действовала коммунистическая идеология, на этот вопрос находили ответ. Когда же она рухнула, на первый план вышла идея национального самоопределения. Тут аналогий с постсоветским пространством действительно немало — хотя, конечно, есть и различия, особенно с учётом разного международного веса СССР и СФРЮ.

Я специализируюсь на Кавказе, Черноморском регионе, казусах де-факто государств, таких как Абхазия, Южная Осетия, Донбасс, Приднестровье. И каждый раз, когда сталкиваюсь с ними, всплывают балканские образы, примеры, призраки, если хотите. Первое, что приходит на ум, — Косово. Причём «кейсов» Косово несколько. Один из них — сконструированный, якобы это уникальный случай. Хотя любое самоопределение и отделение по-своему уникально.

Косовский прецедент активно использовался мировыми игроками — США и ЕС — для реализации своих интересов. Это был не диалог сторон, а вмешательство извне. Когда в спорах с западными коллегами меня спрашивают: «А ты что, веришь, что Косово могло нормально интегрироваться в Сербию?» — я отвечаю: верить можно в Бога. Остальное требует анализа фактов.

Да, скорее всего, Косово в составе Сербии не было бы раем на земле. Возможно, там шли бы свои «балканские интифады», были бы конфликты, теракты, попытки договориться с умеренными албанцами. Но это был бы внутренний, пусть и вялотекущий, конфликт. А когда вмешивается НАТО, переворачивает всё с ног на голову, и это потом легализуется — любой сепаратист получает сигнал: «А ведь так можно». Появился даже термин — *remedial secession*, «лечебная сецессия», его активно используют политики.

Когда-то я взял одно из выступлений Кондолизы Райс, заменил в нём слово «Косово» на «Абхазия» — и гипотеза вполне «заработала». Албанцы страдали — и абхазы тоже. Дискриминация? Присутствует. Применение силы? Было и там, и там. Но одним — можно, а другим — нет? Международное сообщество и геополитический лимб

Здесь стоит задать ключевой вопрос: а существует ли вообще эффективный международный арбитраж? Если нет — то зачем нужно «мировое сообщество», которое, как показала практика, умеет не столько тушить пожар, сколько подливать в него бензин.

В чём отличие Сербии от России? Россия даже после распада СССР осталась ядерной державой. Ей нельзя было просто продиктовать условия — ни в 90-е, когда страна была ослаблена, ни теперь. Даже в тот непростой период [90-х годов] Россия сохраняла статус международного игрока: способствовала заключению майского соглашения по Карабаху в 1994 году, Дагомысских соглашений по Южной Осетии, Московских — по Абхазии. В 1997 году именно Россия остановила гражданскую войну в Таджикистане. А Сербия — совсем другая история. Её голос весил гораздо

меньше, и всё, что происходило на Балканах, изначально оказалось глубже геополитизировано, чем конфликты на постсоветском пространстве. Наши «Палестины» начали восприниматься как предмет геополитики уже в нулевые годы.

В какой-то момент Запад решил превратить Балканы в единое геополитическое пространство. В академической среде стала популярна концепция «геополитического лимба», согласно которой Европа должна быть гомогенизирована под натовский стандарт: все эти «пограничные» страны должны попасть в рай — то есть в НАТО.

Так и произошло: сначала признали Словению, затем Хорватию. Вопрос не в самом признании — это может быть и хорошо, и плохо. Вопрос в том, как оно происходило. Хорватия — страна с территориальными спорами, с 30% населения, не входящего в титульную нацию, и у этих людей своё видение. Эти обстоятельства просто игнорировали. Никто не подумал дать ни пяти, ни десяти лет на транзитный период, чтобы решить все вопросы мирным путём. Спешили. А спешка, как говорят, нужна только при ловле блох.

В итоге стремление «закрыть лимб» ускоренными, большевистскими по стилистике, темпами лишь усилило конфликты. Мои западные собеседники потом говорили: «Но ведь сейчас всё урегулировано! В Сараево ходят туристические трамваи, никто не стреляет». Да, трамваи ходят. Но Босния — это фрагментированное сообщество.

А ещё в этом году исполняется 30 лет с момента падения Сербской Краины. В Загребе будут парады, в Белграде — траурные акции. Мы не можем сказать, что все раны на Балканах зажили. И тут возникает новая реальность: те, кто ещё недавно считались «любимцами» Запада — элиты в Приштине, — вдруг уже не так уж и любимы. Вдруг выясняется, что они и к криминалу причастны, и к военным преступлениям. Где же была западная разведка всё это время? Почему раньше никто не докладывал?

Кризисы продолжаются. Периодически обостряется ситуация на административной границе Сербии и Косово. Говорить о «конце истории» явно рано. И здесь снова встаёт цена вопроса. Если цена — это внешний суверенитет, игнорирующий внутренние проблемы, — то так с Балканами оперировали с XIX века, и в итоге они получили репутацию «пороховой бочки Европы». Может, пришло время попробовать другие инструменты?

— Говоря о параллелях, вы затронули тему национализма и экономики. Что, по вашему, становится главным фактором конфликтов при формировании новых государств? Ведь, в частности, на Балканах, в Югославских республиках было всё в порядке с уважением культурных, языковых традиций. А в плане экономики, разве не выгоднее было бедным и дотационным национальным окраинам, как Македония или Косово, оставаться на содержании у одной общей страны?

— Аргументы, которые вы представили, сбивали с толку даже выдающихся интеллектуалов. Например, в 1991 году Иммануил Валлерстайн, автор мир-системной теории, задавался вопросом: «А зачем Казахстану отделяться?» Ведь Назарбаев мог бы стать премьером нового Союза, дотации остались бы, экономические связи — укрепились бы. Но рациональные аргументы разбиваются о националистическую иррациональность. Сербь с хорватами тоже могли бы дополнить друг друга: у одних — море, у других — дипломатические наработки. Но в какой-то момент победила

иррациональность.

Экономику тоже не стоит сбрасывать со счетов. Но тут мы сталкиваемся с феноменом экономического национализма. С одной стороны — бедные окраины вроде Македонии или Косово. С другой — элиты в Словении, которые задаются вопросом: «А зачем нам платить за этих?» Или другой момент — ввод внутренних войск в Косово. Возникал логичный протест: «А зачем словенским или хорватским парням там служить? Это вообще наша война?»

Похожие чувства возникали и в СССР. Жителям Донбасса в 1989-1991 годах конфликты в России казались чужими. Они чувствовали себя более состоятельными и защищёнными, чем соседи по Союзу. Только потом, уже после 1991 года, наступило отрезвление от «головокружения» по поводу «самости»...

Национализм прост в применении: достаточно сказать, что «мы лучшие, а другие нам мешают — избавимся от них, и всё будет хорошо». Но у него много тёмных граней. Некоторые теоретики предлагали относиться к национализму нейтрально, напоминая, что он породил и великую литературу, и музыку. Но музыка — это одно, а тёмные стороны — другое. И им поддались очень сильно, отбрасывая много рациональных моментов.

Сегодня, когда всё уже распалось и вазу не склеить, главный урок, который можно извлечь из советской и югославской ситуации: жить отдельно — не значит жить во вражде. Надо искать точки соприкосновения. Не обязательно жить в одном доме, но желательно самим решать собственные проблемы — сербам с хорватами, грузинам с абхазами. Не доводить до того, чтобы приходили «большие дяди» и вмешивались.

Международный арбитраж на Балканах провалился. Проблемы и споры были, но чётких критериев признания и непризнания государств не существовало. При этом международное сообщество и вовсе оказалось не работающим институтом, а пустым звуком...

— И напоследок — вопрос, который нельзя не задать эксперту вашего уровня. Что важнее: право нации на самоопределение или принцип нерушимости границ?

— Отвечу словами моего наставника по жизни, выдающегося российского дипломата Владимира Николаевича Казиминова (1929-2024). В своей знаменитой, в каком-то смысле программной, статье «Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов», он говорил, что все принципы Хельсинкского Заключительного акта равносильны, но ни один из них не абсолютен. Можно самоопределяться — но уважай права меньшинств, договаривайся о границах. Территориальная целостность — тоже здорово, но только если она не становится важнее самих людей, живущих на этой территории. Оба принципа важны. Главное — как и какими методами Вы их реализуете.

Впервые опубликовано на портале «Балканист»: Сергей Маркедонов. **«Балканские параллели»**

Источник: **Балканские параллели**

ОБ АВТОРЕ

Сергей Маркедонов

Постсоветское пространство, Южный Кавказ

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Постсоветское пространство, Южный Кавказ, Безопасность

Область экспертизы: Конфликты на постсоветском пространстве, европейская безопасность

Профессиональный опыт: Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России. Эксперт Российского совета по международным делам, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай». Колумнист изданий «Россия сегодня», «РБК» и др. Был приглашенный исследователем Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае, Немецком обществе внешней политике (DGAP) в Берлине, Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Центра стратегических и международных исследований программы «Россия и Евразия» в Вашингтоне.

